

На заснеженном поле битвы на Северной границе отряд из более чем дюжины человек посреди ночи тихо покинул лагерь и направился строго на юг.

После изнурительного ночного марша воины нашли приют во дворе заброшенной фермы.

Сун Ханьлинь, словно заботливая наседка, распорядился наколоть дров для костра, лично следя за приготовлением пищи. Вскоре над огнем задымился котелок с наваристым супом-лапшой.

Из своей походной сумки Сун Ханьлинь извлек несколько полосок вяленой говядины и, добавив их в большую миску, протянул ее Лу Чжэну: «Господин, армия выступит из лагеря через три дня. Даже преодолевая сотни ли, мы едва ли доберемся до столицы раньше, чем через месяц».

Лу Чжэн молча кивнул и принял миску. Подув на горячий суп, он жадно припал к нему. Осушив миску в несколько глотков, он коротко бросил: «Отдохнем час.»

Сун Ханьлинь не мог разгадать мысли господина, скрытые за непроницаемым спокойствием, но сердце его терзала тревога. Преодолев страх, он выпалил: «Его Величество тяжело болен, и министры шлют один за другим срочные приказы, требуя вашего возвращения в столицу! Боятся, что вы не успеете...»

«Не стоит беспокоиться». Лу Чжэн, не обращая внимания на встревоженный взгляд подчиненного, неспешно разорвал жесткую полоску вяленой говядины, так и не размякшую в супе, и отправил ее в рот. Медленно пережевывая каждый кусочек, он прикрыл глаза.

«Господин! Даже если вы решили послушаться приказа, то следовало взять с собой больше людей! Дюжина человек – это кучка, которую с легкостью сметут разбойники, кишачие на этих дорогах!»

Лу Чжэну показалось, что помощник слишком назойлив, и он бросил, не открывая глаз: «Старый император не умрет так просто!» С этими словами он повернулся и вошел в обветшалый дом.

«Ах...!» Сун Ханьлинь растерянно открыл рот. Он не осмелился допытываться, откуда у молодого господина такая уверенность, и лишь беспомощно сглотнул слюну. "Похоже, я слишком много надумываю. Когда Молодой Господин принимал неверные решения?"

Но куда они направляются на юг? Сун Ханьлинь задумчиво почесал подбородок. "Ситуация все еще туманна. Вместо того, чтобы возвращаться в столицу и укреплять свое положение, он решил отправиться к южным землям. Что он задумал?"

В особняке Цзо, в ярко освещенном парадном зале, гремел пир, но в укромном дворике Третьего Господина мерцал лишь одинокий огонек свечи.

Цзо Шаоцин, с книгой в руках, полулежал на мягкой кушетке у окна, устремив взгляд в сторону главного дома. Выражение его лица было нечитаемым.

«Молодой Господин, пироги с зелёной фасолью, приготовленные няней Лю, такие вкусные! Даже лучше, чем у матушки Чанг!» – с довольным видом произнес Ло Сяолиу, уплетая пирожок.

«О? Неужели? Матушка Чанг часто угощает тебя пирогами?» Цзо Шаоцин не обернулся, но в его глазах промелькнула острая искра.

«Кхе-кхе... Нет, просто... Второй Господин иногда не доедает холодные пироги, и, завидев меня, делится ими...» – голос Ло Сяолиу невольно понизился, а на лице отразилось беспокойство.

«Я просто спросил, зачем ты оправдываешься?» Цзо Шаоцин отложил книгу и поднялся с кушетки. Медленно приблизившись к Ло Сяолиу, он положил руки ему на плечи: «Или... Сяолиу что-то скрывает от меня?»

«Господин...» – в ужасе вскрикнул Ло Сяолиу и, словно подкошенный, рухнул на колени. «Нет... Вам показалось... Разве я осмелюсь?»

Цзо Шаоцин многозначительно протянул: «О...»

Холодный пот выступил на лбу Ло Сяолиу. Он не понимал, почему Третий Господин сегодня так странно себя ведёт. Прежде он никогда не задавал подобные вопросы таким тоном.

Не успел он это осознать, как резкая боль пронзила его живот. Руки Ло Сяолиу, впервые потеряв опору, бессильно повисли, и он упал на землю.

«Ах...!» – закричал Ло Сяолиу, скрючившись на земле и схватившись за живот. Его лицо стало мертвенно-бледным, а губы медленно синели.

Цзо Шаоцин, с равнодушным видом, вновь опустился на кушетку. Налив себе из чайника чашку горячего чая, он медленно потягивал его, не обращая внимания на мучения мальчика, корчащегося на земле.

Ло Сяолиу не был глупцом. Почувствовав перемену в отношении Цзо Шаоцина и услышав его слова, он понял, что Третьему Господину стало известно о его проступках. Молодой господин собирается его убить!

«Господин... Третий Господин...» – захлёбываясь от боли, Ло Сяолиу на четвереньках подполз к ногам Цзо Шаоцина и, крепко ухватившись за подол его одежды, простонал: «Господин... Чем я провинился? За что вы хотите... Тьфу...»

Наблюдая сверху за агонией Ло Сяолиу, Цзо Шаоцин усмехнулся: «В чём твоя вина? Неужели ты сам не знаешь?»

Свернувшись клубком на полу, Ло Сяолиу попытался поднять голову и взглянуть в лицо Цзо Шаоцину. Он увидел всё то же тонкое лицо с изящными чертами и бледной кожей. Но в этот момент ему казалось, что перед ним чужой человек, совсем не тот молодой господин, которого он знал с детства.

Дрожащими пальцами он с трудом поднялся на ноги. «Третий Господин, я знаю, что был неправ... Я был вынужден... Госпожа... Всё из-за госпожи... Ах...!»

Крупные капли пота стекали по его лицу. Губы Ло Сяолиу были искусаны до крови. Его взгляд постепенно мутнел, но руки по-прежнему цеплялись за одежду Цзо Шаоцина.

Цзо Шаоцин не собирался его убивать. Он просто подсыпал немного белого порошка в чай и заставил его выпить. Затем, наклонившись ближе, он спросил: «Ло Сяолиу, ты помнишь, сколько лет ты служишь мне?»

Тело Ло Сяолиу медленно переставало содрогаться. Вытерев рукавом слёзы и сопли с лица, он хриплым голосом произнёс: «Семь... Семь лет...»

«Да... Мне тогда было шесть, а тебе восемь. Я уже почти забыл, как ты выглядел в то время. Но я до сих пор помню твои лучистые глаза и два больших выступающих зуба. Ты был первым человеком в доме Цзо, который так искренне улыбнулся мне.»

Цзо Шаоцин погрузился в воспоминания и не заметил, как Ло Сяолиу с недоумением смотрит на него.

«Господин... Простите меня, ничтожного!» – дрожащим голосом Ло Сяолиу заставил себя встать на колени на холодной земле. Сожаление и вина терзали его душу.

«Встань. Не волнуйся, яд не смертелен и действует лишь раз в месяц. Пока ты не замышляешь ничего дурного против меня, я буду давать тебе противоядие каждый месяц. Будь послушным!»

«Третий Господин...» – сердце Ло Сяолиу пропустило удар. Он был смертельно напуган и боялся даже думать. Низко поклонившись, он пролепетал: «Пожалуйста, пощадите меня, молодой господин! Отныне я буду во всём послушен вам! Но госпожа...»

«О госпоже Сюэ тебе не стоит беспокоиться. Я сам скажу тебе, что ей говорить. Ты не подведёшь её.»

Цзо Шаоцин оставил Ло Сяолиу при себе лишь потому, что на данный момент не мог избавиться от надзора госпожи Сюэ. Раз так, то пусть она знает лишь то, что он захочет. А чего

он не захочет, она никогда не узнает.

<http://bllate.org/book/13556/1203217>